

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ I

Эммануэль Левинас
Этика и лицо

Цель: изложить концепцию Эммануэля Левинаса об этических нормах и вариантах феноменологии, характеризуя основы формальной логики в тесном контакте с такими понятиями, как язык, дискурс, лицо и другое.

Основные идеи:

- Школа становления Левинаса: влияние Гуссерля и Хайдеггера.
- Бесконечность и лицо как основы понимания Другого.
- Язык как отношение между отдельными терминами.
- Традиционное понимание бесконечности в аспекте новых суждений Левинаса.
- Этика и Лицо: сопротивление, борьба, выражение и мысли.
- Причина и Лицо через дискурс языка и объективности.

Ключевые сочетания: этические варианты феноменологии, формальная логика, метафизическое стремление к абсолютно другому, солипсистская диалектика сознания, дискурс.

В данной лекции мы будем говорить о нормах этики и ее принципах. Мы познакомим вас с Эммануэлем Левинасом. Он является ярким представителем феноменологического направления современной философии. Э. Левинас – автор таких работ, как «Время и Другой», «Тотальность и бесконечное», «Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером», «Инобытие, или по другую сторону сущности» и др. Его деятельность посвящена созданию этического варианта феноменологии. Решение этой задачи мыслитель ищет, опираясь на феноменологическую методологию исследования и вовлекая в сферу своего анализа экзистенциалистскую проблематику.

Левинас изучал феноменологию во Фрайбурге, посещая лекции Гуссерля. Уже тогда начинающий философ увидел возможность дополнить феноменологию понятием существования. Он направил феноменологический анализ на исследование различных сфер человеческого и морального опыта. Сопоставляя концепции Гуссерля и Хайдеггера, Левинас отдает предпочтение хайдеггеровскому движению к конкретному человеку. Однако впоследствии Левинас подвергнет критике онтологию Хайдеггера. Его возражение вызвано тем, что в концепции Хайдеггера драма существования определяется диалектикой бытия и небытия. Этой диалектике Левинас противопоставил напряженность отношений между безличностным существованием замкнутого Я и личностным способом бытия.

Как отмечают авторы Антологии, Левинас был важной фигурой в европейской философии второй половины двадцатого века. Его работы освещали проблемы феноменологии и фокусировались на осознании фигуры Другого. Левинас считал, что отношение к Другому более важно и основательно, чем любой вопрос природы существования в философии. Ученый полагал, что невозможно полностью познать другого, что отношение к Другому – «единственный мыслимый гарант моего Я». В этой связи ответственность, а не свобода, является первостепенной ценностью в этике автора.

Автор начинает свои рассуждения с проблемы «Бесконечность и Лицо». Левинас подчеркивает: «Поскольку понимание людей осуществляется через видение, оно доминирует над людьми, имеет власть над ними. Данная вещь предлагает себя мне. Получая доступ к ней, я утверждаюсь в ней. Лицо выступает в своем отказе от содержания. В этом смысле его невозможно понять, т.е. охватить. Его нельзя ни увидеть, ни потрогать, поскольку при визуальном или осязательном ощущении себя лицо отражает изменчивость объекта, который становится содержанием».

Для автора Другое не является другим с относительной изменчивостью, как в сравнении, даже с первичными видами, которые взаимно исключают друг друга, но все же имеют свое место в сообществе рода – исключая друг друга по их определению, но призывая друг к другу это исключение через сообщество их рода. Инакость Другого не зависит от какого-либо качества, которое отличало бы его от меня, поскольку это различие в точности означало бы это сообщество рода, которое уже сводит на нет изменчивость. По мнению философа, такие изменения, не зависящие от каких-либо качеств и могут быть аннулированы. В результате связь между Другим и мной, появляясь в отдельных выражениях, не соотносится ни с числами, ни с понятиями. Другое остается бесконечно трансцендентным, бесконечно чужим. Так, его лицо,

в котором проявляется его прозрение и которое обращается ко мне, порывает с миром, который может быть общим для нас, чьи виртуальности вписаны в нашу природу и развиты нашим существованием. Речь идет об абсолютной разнице. Или, если быть точнее, абсолютная разница не возникает в процессе описания от рода к виду. При этом полагается, что разница остается связанной с логической иерархией и ее противопоставлениями.

При этом Левинас особое внимание концентрирует на языке, рассматривая его как инструмент установления абсолютной разницы, невысказанной с точки зрения формальной логики. По мнению автора, язык создает соотношение между терминами, которые разрушают единую систему общности. Термины либо освобождаются от отношений, либо остаются абсолютными в них. В данном случае язык, возможно, определяется как сама способность нарушать непрерывность бытия или истории. Непостижимый характер присутствия Другого, о котором говорил ученый, не описывается негативно, так как дискурс находит связь с трансцендентностью, т. е. с тем, что недоступно познанию и не основано на опыте. На данный момент прослеживается формальная работа языка, которая заключается в представлении трансцендентного. В понимании Левинаса, «язык – это отношение между отдельными терминами». Один другому представляет себя как тему, но его внешняя форма не отражается на статусе темы. Слово, которое несет в себе Другое как тему, кажется, и содержит Другое. Однако уже сказанное Другому, который как собеседник закрыл тему, неизменно поднималось на фоне сказанного. Сказанные слова имеют силу только, если сохраняется молчание, их вес признает отклонение от Другого. Знание, которое поглощает Другого, найдет отражение в пределах дискурса, который ему адресуется. Автор констатирует: «Разговор, а не молчание, требует Другого. Речь проникает через видение. В знании или видении рассматриваемый объект может действительно определять акт, но это акт, который присваивает «видимое» себе, интегрирует его в мир, наделяя его значением и, в конечном итоге, делает его».

Это означает, что в дискурсе расхождения, которые неизбежно возникают между Другим как темой и Другим как собеседником, освобождают от темы, которая, казалось, в тот момент держала его, оспаривая значение, которое было приписано ему как собеседнику. Формальная структура языка тем самым объявляет этическую неприкосновенность Другого. Тот факт, что лицо поддерживает отношения со мной благодаря дискурсу, все же не ограничивает его. Оно остается абсолютным в рамках этих отношений. Солипсистская диалектика сознания всегда подозрительна в признании несвободы, которая разрушает.

Присутствие лица, не входящего внутрь, но находящегося над, есть основание для того, чтобы сама сфера определила его «статус» как бесконечный. Это положение следует отличать от изображения жидкости, переполняющей сосуд, поскольку это переполнение осуществляется также, как позиция (т. е. не бесконечность) лица. Позиция лица, оппозиция по преимуществу, может быть только моральным вызовом. Это движение исходит от другого.

Идея бесконечности конкретно создается в виде отношения с лицом. И только идея бесконечности поддерживает положение Другого в этом отношении. Таким образом, по мнению Левинаса, здесь создается структура, аналогичная онтологическому аргументу: внешность лица вписана в его сущность. Однако, автор считает, что то, что происходит, – это не рассуждение, а прозрение, которое выступает как лицо. Это явление он рассматривается как прозрение, которое являет лицо. Метафизическое стремление к абсолютно другому, которое оживляет интеллектуализм, разворачивает его энергию в виде лица или идеи бесконечности. Идея бесконечности превосходит мои полномочия. Это исходит не из человеческих априорных глубин, это, главным образом, опыт.

Левинас соглашается, что кантианское понятие бесконечности фигурирует как идеал разума, проекция его требования в запредельное, идеальное завершение того, что дано как неполное. Конечное здесь уже не понимается в отношении к бесконечному. Наоборот, бесконечное предполагает конечное, которое его бесконечно усиливает. Кантианское завершение описывается положительно чувствительностью, как хайдеггеровское окончание, существующее как смерть. По мнению философа, эта бесконечность, относящаяся к конечному значению, является самой антикартезианской точкой кантовской философии. Она же позднее нашла отклик и в философии Хайдеггера. Размышляя о диалектике понимания бесконечности, автор статьи анализирует и гегелевское суждение с позиции обращения к Декарту.

Автор отмечает: «Гегель возвращается к Декарту, утверждая позитивность бесконечности, но исключая всю ее множественность. Он рассматривает бесконечность как исключение каждого «другого», которое могло бы поддерживать связь с бесконечным и тем самым ограничивать его. Бесконечность может охватывать только все отношения». Отношение конкретного с бесконечностью эквивалентно включению этого конкретного в суверенитет государства, – утверждает Левинас. В его суждениях оно становится бесконечным в отрицании собственной конечности.

Интерес представляют суждения Левинаса о соотношении таких понятий, как этика и лицо. В его толковании лицо сопротивляется владению, сопротивляется моим силам. В его прозрении разумное, все еще захватывающее его, превращается в полное сопротивление схватыванию. Поэтому для автора данная мутация может произойти только путем открытия нового измерения. Выражение, которое лицо вводит в мир, оспаривает не беспомощность моих сил, но мою способность к власти. Лицо, все еще вещь среди вещей, пробивается через форму, которая тем не менее ограничивает его. Это конкретно означает: лицо говорит со мной и тем самым предлагает ему отношение, несоизмеримое с властью, будь то наслаждение или знание. И все же это новое измерение открывается в чувственном облике лица. Постоянная открытость контуров его формы в выражении заключает в себе эту открытость, которая распадается в карикатуре.

Таким образом, лицо на пределе святости и карикатуры все еще в некотором смысле подвергается действиям. В некотором смысле только глубина, которая открывается в этой чувствительности, изменяет саму природу власти, которая отныне может больше не принимать, но может убить.

Автор задается вопросом: «Как эта диспропорция между бесконечностью и моими силами отличается от той, которая отделяет очень большое препятствие от применяемой к нему силы?». Самый банальный случай истории человечества соответствует исключительной возможности, поскольку он утверждает полное отрицание человека. Другой, кто может сказать «нет», может быть доведен до точки самоубийства. При этом вся его непоколебимая твердость «для себя» может быть уничтожена. В контексте мира он квази-ничто. Но он может противостоять борьбе, то есть противостоять силе, которая поражает его не мерой сопротивления, а непредсказуемостью реакции. Таким образом, он противопоставляет не силу, а энергию, оценивая, представляя себя, как часть целого, не как превосходящую силу, а как бесконечность его трансцендентности.

Бесконечность парализует власть своим бесконечным сопротивлением. Речь идет об отношениях не с большим сопротивлением, а с чем-то совершенно другим: сопротивлением того, что не имеет сопротивления, – этическим сопротивлением. В данном контексте прозрение лица является этическим. Лицо угрожает случайностью борьбы, но эта угроза не исчерпывает прозрения бесконечности, не формулирует своего первого слова. Левинас считает, что выражение не излучается как великолепие, которое распространяется без ведома излучающего существа. Возможно, это определение красоты. Чтобы показать себя в своем собственном проявлении, нужно призвать собеседника. Выражение не навязывает себя как истинное представление или как действие. Поэтому, полагается, что мир, который вторгается в тебя, бессилен против «свободной мысли». Существо, которое выражает себя, навязывает себя, но делает это, обращаясь к тебе, оно не ограничивает, а способствует твоей свободе, пробуждая твою доброту.

Философ отмечает, что выражение не представляется как проявление понятной формы. Этот «круг понимания» не является изначальным событием логики бытия. Выражение предшествует этим координирующим эффектам. В итоге событие, соответствующее выражению, состоит в том, чтобы засвидетельствовать себя и гарантировать это свидетельство. Эта аттестация самого себя возможна только как лицо, то есть через речь. Здесь язык актуализируется как обмен идеями о мире, с ментальными оговорками, которые выступают через превратности искренности и обман, которые он очерчивает. Через язык предполагается оригинальность лица. Если бы в речи не существовала такая оригинальность выражения, то с каждым разом усиливалось бы влияние доминирующего положения говорящего. Но язык может существовать, лишь отказываясь от этой функции и возвращаясь к своей природе. Здесь также пересекаются этические отношения, которые можно назвать мистическими, потому

как под их воздействием события становятся подавляющими или сублимирующими. Порой появляются двусмысленности, обогащая изначальную односторонность выражения. Так дискурс становится заклинанием, поскольку молитва становится обрядом и литургией, когда собеседники оказываются в ролях драмы, которая началась за пределами их диалога. Здесь находит отражение рациональный характер этических отношений и языка. Никакой страх, никакой трепет не могут изменить прямолинейность этих отношений.

В качестве примера Левинас анализирует поэтическую деятельность. По его мнению, именно там влияние возникает без нашего ведома, сознательно окутывая и обманывая своим ритмом. Здесь, согласно выражению Ницше, дионисийский режим художника становится производением искусства, выступая против языка и рассеивая очарование ритма, тем самым мешая инициативе стать ее частью. Поэтому автор констатирует, что дискурс – это разрыв и начало, это нарушение ритма, который захватывает и переносит собеседников в прозу.

В части понимания дискурса Левинас отмечает роль языка как фактора, обуславливающего функционирование рационального мышления. Он дает ему начало в бытии, первичную идентичность знаменая. Автор подчеркивает, что языковые условия мысли не являются языком в его физической материальности. Здесь язык рассматривается как отношение одного и того же к Другому. Язык не вводится в сознание. Он приходит из Другого и реверберирует в сознании, ставя его под сомнение. Рассматривать язык в отношении к уму означает не его рассечение, а именно его воплощенную сущность, его отличие от конститутивной, экологической природы трансцендентальной мысли идеализма. Оригинальность дискурса в отношении чистого сознания разрушает понятие имманентности. Идея бесконечности в сознании – это переполнение сознания, воплощение которого открывает новые силы для души. Поэтому, по словам автора, если лицо обнаруживает язык, если лицо привносит первое значение, устанавливает значение самого себя в бытии, тогда язык не только служит разуму, но и является причиной.

Разум в смысле безличной законности не позволяет нам учитывать дискурс, поскольку он включает множество собеседников. Разум, будучи уникальным, не может говорить по другой причине. Разум, который имманентен в индивидуальном сознании, является, по-видимому, мыслимым натурализмом. Разум рассматривается как система законов, которые регулируют природу этого сознания. Язык же сведен к системе пробуждения признаков от одной мысли к другой мысли. Поэтому для автора было также важно описать взаимосвязь языка и объективности, показать сознательный мир как мир, в котором есть Другое, через которое мир становится темой, имеющей значение.

Суждения автора о рациональности значения в тесном соотношении и взаимовлиянии понятий «другое» и «мое» вызывают неподдельный интерес. Человек становится объектом отношений вокруг него. Левинас отмечает: «При назначении вещи я отдаю ее Другому. Акт обозначения изменяет мое отношение наслаждения и владения вещами, помещает вещи в перспективу Другого. Использование знака не ограничивается заменой косвенной связи, позволяя сделать вещи доступными, а также отделяя их от моего собственного использования». И здесь философ подчеркивает значимость слова как орудия, как выражения мысли. Согласно автору, объективность исходит из языка. Язык делает возможной объективность объектов и их тематизацию. Основа объективности состоит в чисто субъективном процессе, в этическом отношении с Другим. В работе также анализируются и позиции межличностной асимметрии, и соотношения понятий воля и разум. Таким образом, Левинас поднимает важный общечеловеческий канон: «Реакция по отношению к Другому становится результатом внутренних ресурсов человека».

Контрольные вопросы:

1. Чем отличается школа становления Левинаса? Как можно охарактеризовать влияние Гуссерля и Хайдеггера?
2. В чем заключается природа бесконечности и лица как основ понимания Другого?
3. Как характеризует Левинас язык? Какие функции языка актуализируются в работе?

4. Опишите традиционное понимание бесконечности в аспекте новых суждений Левинаса.
5. В чем особенность суждений Левинаса об этике и лице?
6. Какая роль отводится дискурсу языка и объективности в пояснении понятий «причина» и «лицо»?

Список рекомендуемых ресурсов:

1. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/st035.shtml>
2. Джули Ривкин и Майкл Райан. Литературная теория: антология. Третье издание. стр. 342 – 357.